
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 3—16
ББК 60.542.2
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНЗИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

Статья посвящена малоисследованной проблеме формирования нового гендерного порядка как одного из видов социальных транзаций в условиях глобализации: транзаций социогендерной. Рассматриваются ее сущность, формы выражения, конфликтогенность. Центральное место занимает анализ категории «новый гендерный порядок», ее научного и практического содержания, отличия от «женского вопроса» как ведущей парадигмы XIX—XX вв., а также видов данного порядка, его страновой направленности, масштабности распространения, объективных детерминант. Описываются некоторые количественные измерительные показатели нового гендерного порядка, динамика рейтинга стран по индексу гендерного неравенства; раскрывается связь этого порядка с гендерным равноправием и гендерным равенством. Процесс формирования нового гендерного порядка рассматривается в социологической парадигме модусов социального времени.

Ключевые слова: гендерный порядок, социальная транзация, гендерная структура, гендерная асимметрия, мир-система, страновой порядок, социогендерная транзация, «женский вопрос», гендерная социология, порядок гетерогамный, многополовой гендер, индекс гендерного равноправия, индекс гендерного неравенства, мультипликативный половой индекс, гендерная миграционная девиантность, киберфеминизм.

SOCIAL TRANSITIONS AND THE FORMATION OF A NEW GENDER ORDER

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The article is devoted to the little-studied problem of a new gender order formation as one of the types of social transitions in the context of globalization: the social-gender transition. Its essence, forms of expression and conflict potential are analyzed. The analysis of the category “new gender order”, its scientific and practical content, types, the difference from the “women’s issue” as the leading paradigm of the XIX—XX cc., country orientation and scale of distribution as well as its objective determinants are the central topics of the article. Measuring indicators of the new gender order, the dynamics of the ranking of countries by the gender inequality index are described. Also there is the connection between the new gender order and gender equality. Theoretically, the process of forming a new gender order is considered in the sociological paradigm of social time modi.

Key words: gender order, social transition, gender structure, gender asymmetry, world-system, country order, socio-gender transition, “women’s issue”, gender sociology, heterogamous order, multi-gender gender, Gender Equality Index, Gender Inequality Index, Multiplicative Sexual Index, gender migration deviance, cyberfeminism.

«Гендер»: тональность звучания с годами усиливается

Много нового продолжают привносить в реальный социальный мир глобализация и развитие мир-системы в ее условиях. После распада СССР, а с ним и социалистической мир-системы как неотъемлемой части мировой системы, стал протекать процесс консолидации однополярного мира, пересмотра (если не сказать — ревизии) социальных и социокультурных различий в ценностной, экономической и политической системах стран, поспешивших включиться в капиталистическую интеграцию, частью которой является и *новый гендерный порядок*.

Научный мир все еще «шелестит» дискуссиями по поводу понятия «гендер», приписывая ему разнообразные свойства — от биологических до социальных, от индивидуальных до групповых, подходами от медицинского до социологического, от марксистского до постмодернистского. Поэтому сразу отмечу, что сущностно-простейшее определение понятия «гендер» дано в специальном заявлении, сделанном председателем Пекинской конференции: «...термин “гендерный” в том виде, в каком он используется в Платформе действий Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, должен толковаться и пониматься в его обычном общепринятом значении... “пол, род, происхождение”» [Доклад... , 1995: 177]. Мы придерживаемся тех же позиций, получивших развитие в концепции гендерной социологии как частной социологической теории, которая была институционально закреплена в авторской редакции в Социологической энциклопедии (2003 г.) [Социологическая энциклопедия, 2003: 521], и составивших концептуальные положения научной школы «Гендерная

и экономическая социология», начавшей свое развитие на базе Академии общественных наук и Советской социологической ассоциации в 1990 г. [Силласте, 2016b]. За эти годы реализованы многие значимые социологические проекты по анализу гендерных микро-, а особенно макросоциальных процессов. В фокусе внимания исследователей научной школы — новые социальные и социогендерные феномены, проявляющиеся в условиях глобализации, нуждающиеся в социологической диагностике и внимании практиков социального управления.

Таким предметом анализа с 2017 г. стал новый гендерный порядок, к этому понятию нередко добавляют эпитет «мировой». Первая научная работа на данную тему вышла в 2017 г. в сборнике по материалам XVIII Международных гендерных чтений «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты», состоявшихся в Финансовом университете при Правительстве РФ [Силласте, 2017]. Социальный феномен нового гендерного порядка, бесспорно, достоин изучения и социологических размышлений, которые изложу в формате семи социологических сюжетов.

Сюжет 1. Социальные транзисии как движущая сила формирования нового гендерного порядка

Почему точкой отсчета в анализе является *социальная транзисия* и в чем ее сущность? Социальные транзисии сопровождают развитие транзитивной экономики и представляют собой глубинные изменения кодовых социальных ценностей под влиянием происходящих в обществе кардинальных политических и экономических преобразований, трансформирующих социальную и демографическую структуры общества и влекущих за собой смещения в традиционных духовно-ценностных ориентациях социальных общностей, социальных групп и личности. Самыми крупными социально-демографическими общностями являются две: мужчины и женщины.

Оценивая кардинальные изменения в глобальном мире, пересмотр традиционных ценностных норм и образа жизни, невольно вспоминаешь фильм «Этот безумный, безумный, безумный мир», нашумевший в начале 60-х гг. прошлого столетия (режиссер С. Крамер, 1963 г.). Но, видимо, только теперь, оказавшись в эпицентре этого мира, мы в полной мере осознаем глубину безумности того разноликого мира капиталистической экономики и капиталистических отношений, к которому примкнули.

Смена института собственности и политическая дестабилизация, ставшие прародителями российской транзитивной экономики, обусловили транзисии в социальной, духовной и даже семейно-бытовой сферах. Социально-политический разворот в сторону постмодернистских ценностных норм повлек за собой сложнейшие транзисии во всей системе общественных отношений, захватив сферу социогендерных отношений. Эта сфера всегда являлась чувствительным индикатором гуманности общества, его прогрессивности и демократичности. Лозунг перестройки и демократизации начала 90-х гг. прошлого столетия «Демократия без женщин — не демократия» сегодня не только не устарел, но и, напротив, приобрел новые оттенки звучания в связи с распространением концепции нового мирового гендерного порядка [Силласте, 1991].

Как оценить происходящие в мире *социогендерные трансзиции*? (Введу такое определение.) Прежде всего через анализ сущности мировых трендов в области гендерных отношений и социальных механизмов их распространения в страновом социуме среди представителей мужской и женской гендерных общностей; через исследования влияния привносимых новых гендерных норм, представлений и социальных ценностей на изменение уклада, порядка и образа жизни мужчин и женщин, семьи и родительских отношений (являющихся, как и семейные, неразрывной частью отношений социальных); через замер конфликтогенности новых норм пропагандируемого гендерного порядка, а на данной основе измерение широты распространения этих норм и социальных рисков нового гендерного порядка, прежде всего рисков для баланса гендерной структуры общества и важнейших институтов воспроизводства: семьи и материнства, родительства и отцовства, а также детства. На базе такого многомерного анализа можно прийти к практическим управленческим выводам о характере нового гендерного порядка, его деструкциях или, напротив, конструктивном воздействии.

Следует отметить, что социальные деструкции 90-х гг. были разносторонне проанализированы с социологической точки зрения в монографии «Гендерная социология и российская реальность», ставшей своего рода гендерной онтологией российской реальности транзитивного периода 1990-х — начала 2000-х гг. [Силласте, 2016а]. Что и как изменилось за это время?

Сюжет 2. «Гендерный порядок» и «женский вопрос»: от модуса прошлого социального времени к модусу настоящего

В соответствии с социологической парадигмой социального времени социальные процессы и результаты их развития имеют три модуса временного измерения: модус прошлого, настоящего и будущего.

Начнем с модуса прошлого социального времени. Почему «гендерный порядок», а не «женский вопрос»? Термин «женский вопрос» появился в конце XIX — начале XX в. и получил мировое распространение в работах ученых, политиков, общественных деятелей и в прогрессивной феминистике. Известный российский ученый профессор В. И. Хвостов, автор капитальной научной монографии «Женщина и человеческое достоинство» (1914 г.), писал: «Выдвинутый новейшей историей вопрос о положении женщин в обществе является одним из важнейших вопросов современности. <...> Речь идет о том, какое положение должна занимать женщина в обществе, соответствует ли положение, преподносимое в идеале, тому, которое сложилось в действительности, и если не соответствует, то какими причинами вызвано это несоответствие и какими средствами может быть устранено» [Хвостов, 1914: 24].

«Женский вопрос» в формах, рожденных XIX в., к концу XX — началу XXI в. для цивилизованных стран (и капиталистических, и социалистических), в том числе для СССР и современной России, в целом можно считать решенным (исходя из того состояния, в котором он достался нашей стране к 1917—1918 гг.). Раскрепощение женщин было одной из центральных задач всего цивилизованного сообщества XX в. Итогом века XX и стартовыми позициями начала XXI в. стала женщина эмансипированная, образованная, полистатусная и много-ролевая, способная к солидаризации в защите своих социальных интересов,

динамичная и инновационно чувствительная. Одним словом, женщина-созидательница. Это, без сомнения, колоссальный прогресс и социальное завоевание ушедшего в историю XX в.

Но наряду с созидательной силой, женщины как гендерная общность в процессе консолидации интересов в борьбе с социальной дискриминацией способны стать и конфликтогенной силой, солидаризируясь для защиты своих прав как неотъемлемой части прав человека. Примеров тому история может привести много, в том числе российских. При этом следует учитывать особенность движения России по маршруту от века XX, века «от сохи» и мировых войн, к веку XXI, веку космоса и цифровых технологий. Капиталистический мир проходил этот путь длительно и эволюционно. Россия — турбулентно, очень быстро и для истории неординарно, ибо на пути этого движения страна трижды на протяжении всего одного столетия меняла траекторию своего развития: от капитализма к социализму, а из него обратной дорогой... «Назад к победе капитализма!» Тем не менее это не остановило общество и государство в последовательном решении «женского вопроса» и внедрении таких прогрессивных социальных, политических, экономических, духовно-нравственных и гуманистических решений, которые сделали советский опыт и социальные технологии эмансипации женщин уникальными, притягивающими к себе внимание многих стран.

Однако, используя терминологию теоретика глобализации И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2003], следует сказать, что мир-система, как самодостаточная социальная система с границами и жизненным пространством, подвижна, динамична и способна трансформироваться в новые формы с новым набором ценностей и установок. Примером тому является трансформация «женского вопроса» в парадигму нового гендерного порядка.

Сюжет 3. Гендерный порядок в модусе настоящего социального времени

Прежде всего отмечу, что гендерный порядок рассматривается мною как часть порядка социального, который отражает идею организованности общественной жизни и упорядоченности социального действия индивидов (как субъектов и субъектов общественной системы). Развивается социальный порядок благодаря системе взаимоподдерживающих процессов, разновидностью которых являются и процессы гендерные. И если не сводить гендерные отношения лишь к сфере сексуального, а рассматривать их в контексте вида социальных отношений, то можно заключить, что *гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению*. В эпицентре гендерного порядка — достижение гендерного равноправия, развитие эгалитарности. А это значит, что задачи в контексте социального времени ставятся значительно шире, чем при старом гендерном порядке. В чем разница?

Первое принципиальное отличие заключается в том, что целевая установка состоит в достижении не только *равноправия женщин* (как одной из макросоциальных гендерных общностей), но и равноправия второй половины этой гендерно-дихотомической пары — *равноправия мужчин*. К такой постановке вопроса мы явно не привыкли. Даже теперь, формально подписав международные

декларации, конвенции и прочие документы по вопросам гендерного равенства, наши властные институты утверждают Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 годы. Никто не станет спорить со справедливостью констатации в Национальной стратегии того исторического факта, что «современные женщины имеют высокий уровень образования, профессиональные и карьерные интересы, при этом воспитание детей и присмотр за ними, а также членами семьи, требующими постоянного присмотра и ухода, в том числе по состоянию здоровья, осуществляются преимущественно женщинами, что создает трудности в совмещении ими семейных обязанностей и трудовой деятельности» [Национальная стратегия... , 2017: 6]. Не сказала бы, что в этом утверждении есть нечто новое по сравнению с принципами старого гендерного порядка в формате «женского вопроса». Данное положение де-факто декларируется уже 100 лет. Хотя Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко справедливо отметила, что стратегия действий в интересах женщин — это важный шаг для воплощения конституционного принципа равноправия полов.

Сложный это вопрос — обеспечение гендерного равноправия. Иногда его путают с гендерным равенством. Однако данные понятия не одно и то же. И в этом второе отличие нового гендерного порядка от старого, в связи с чем сделано небольшое теоретическое отступление.

Равноправие — это признанное равенство граждан перед государством, законом, судом; один из существенных элементов демократии.

Равенство же в социальном контексте (а не в математическом) — это один из идеалов справедливого общественного устройства, обеспечивающего всестороннее развитие всех членов общества. Возникла данная проблема в связи с его классовым делением. Капитализм провозгласил принцип равенства всех перед законом и свел его фактически к формально-юридическим процедурам и контролю (без учета различий в социальном положении людей). При социализме утверждается равенство в отношении к средствам производства, а также политическое и национальное равноправие трудящихся, равенство мужчин и женщин, равное право всех на труд, на оплату по труду, на комплекс социальных гарантий [Советский энциклопедический словарь, 1990: 1101].

Для решения «женского вопроса» в советский период в большей мере была характерна борьба женщин за равенство их положения в обществе наряду с мужчинами, и это положение полностью поддерживалось Конституцией СССР. Возврат к системе капиталистических отношений принципиально изменил акценты между равенством и равноправием. Принятие в 1993 г. Конституции РФ, в ст. 19 (п. 3) которой заявляется, что «мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», имело принципиальное значение [Конституция РФ, 1993], но статья до сих пор носит преимущественно декларативный характер, так как система мер, обеспечивающих реализацию этого положения, разработана слабо. Однако для продвижения нового гендерного порядка ст. 19 Основного Закона РФ играет роль стартовой установки.

Третья отличительная черта нового гендерного порядка состоит в том, что он выдвигает в качестве равновесного и равноправного субъекта действий и субъекта полноценного общественного внимания *институт отцовства*. В отличие от содержания «женского вопроса» при старом гендерном порядке,

где институт отцовства социально «не звучал», при новом гендерном порядке он выступает в качестве равновесного материнству социального института, имеющего важное значение для достижения гендерного равноправия. В контексте признания паритетной социальной значимости институтов материнства и отцовства становится реальной законодательная постановка вопроса о равных семейных обязанностях мужчин и женщин. Есть и другие отличия, но остановлюсь на приведенных трех.

Таким образом, в XXI в. вопрос обеспечения гендерного равенства ставится не в ограничительных рамках «женского вопроса», а в социально-правовом диапазоне достижения равенства положения в обществе обеих гендерных общностей — и женской и мужской — независимо от возраста, социального статуса и социально-территориальной структуры расселения.

В основе категории гендерного порядка лежит признание необходимости учета гендерного фактора во всем, что происходит в социальной среде, при этом ее масштабы и страновые особенности не имеют значения. Более того, гендерный порядок рассматривается как *статусный гражданский порядок*, для которого характерно неравномерное распределение благ и престижа по признаку пола. Закрепляется гендерный порядок в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами, а также внутри групп, определяемых признаком пола.

Можно сказать, что формирующийся в мире новый гендерный порядок — это своего рода новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия. Но это будет означать и определенный пересмотр ряда прошлых норм — юридических и нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом. Поэтому изменение традиционного (по меркам прошлого столетия) социального положения женщин как гендерной общности повлекло за собой цепочку социальных и политических коррекций и вновь поставило в фокус внимания идеологию равенства и равноправия.

Нынешний этап достижения гендерного равноправия развивается с учетом уже исторически достигнутого, с одной стороны, и динамических изменений положения мужчин и женщин в социальной, политической, экономической, семейно-бытовой, социокультурной и коммуникативно-идеологической сферах жизни — с другой. Но теперь уже в социальном пространстве возможностей XXI в., эпохи глобализма, экономического модернизма и либерализма, новых технологий и форм жизни, современного уровня политической культуры и норм поведения. Это социальная почва нового гендерного порядка, внешним предметом которого является гендерное равноправие и технологии его социального конструирования. Внутренним — конфликт интересов в страновых социальных системах по вопросу правовых и морально-нравственных границ нового гендерного порядка, методов его продвижения.

Напрашивается вопрос: «А был ли в прошлом гендерный порядок?» Безусловно, был. Это и матриархат, и патриархат, стержнем которых оставался вопрос власти и равноправия женщин и мужчин в системе общественных отношений.

Какой гендерный порядок в мире сегодня? Единого определения нет. Хотя встречаются характеристики типа суррогатный, постмодернистский, постфеминистский, переходный, транзитивный, фемининный. Я бы назвала этот порядок гетерогамным (от гр. *heteros* — другой и *gamos* — брак). Как любой феномен транзитивного периода, гетерогамный гендерный порядок содержит синтез разных норм: и тех, от которых в каких-то странах отказываются, и тех, которые в других сохраняют.

На основании категории «гендерный порядок» можно дать характеристику любой страны и государства, более объективно сопоставить страны в контексте развития гендерного равенства. Встает вопрос: а есть ли гендерный порядок в российских субъектах, а если есть, то какой он. Думаю, такой показатель был бы не лишним и при определении качества социального (человеческого) потенциала регионов, и как элемент характеристики человеческого капитала.

Сюжет 4. Все ли прогрессивно в формирующемся новом гендерном порядке?

Если пользоваться советом Козьмы Пруtkова и «зреть в корень», то следует признать: за идеологической вуалью нового гендерного порядка скрыт главный объект столкновения интересов — *семья*, наступление на ее традиционную форму — родительскую семью с четким историческим разделением функций отца и матери по половому признаку, семью как союз ребенка, матери и отца. Создание такой семьи исключено в однополых браках, которые легализованы в 27 странах Европы, Северной и Южной Америки и пропагандируются как доказательство достигнутого гендерного равноправия, демократизации и свободы. По сути, это процесс легализации гендерно-нейтрального супружества. Процесс не последнего времени. Первой страной, официально разрешившей регистрировать партнерские отношения между гомосексуалами, стала Швеция (1995 г.). Далее сработала цепная реакция: Нидерланды (с 1 апреля 2001 г.), Бельгия (2003 г.), Франция (утверждение в 2013 г. закона «Брак для всех») и т. д. Причем принимались все эти законы на фоне массовых выступлений приверженцев традиционных семейных, сексуальных и родительских ориентаций, но агрессивное давление меньшинства получило поддержку и официальных лиц, и законодателей, и лоббистов. Однако есть и обратные примеры (хотя и редкие): губернатор Бермудских островов в феврале 2018 г. подписал закон об отмене права гомосексуальных пар на вступление в брак. Но доминантной западной тенденцией пока остается легализация квазибраков.

В этом вопросе скрыт, пожалуй, главный конфликтоген формирующегося нового гендерного порядка. Его ядро (предмет) — ценностный конфликт между исторически сложившимися нормами образования семьи, супружества, родительства и семейного воспитания с равными правами участия в нем отца и матери, с одной стороны, и законами об однополых браках, которые основываются на свободе гендерного выбора мужчиной, женщиной, ребенком своего ролевого пола, индивидуальной гендерной идентичности (право записывать в паспорте тот пол, который объекту идентификации больше нравится, кем он себя ощущает без оглядки на биологический пол по рождению), с другой стороны.

Согласно философии *многополового гендера*, право на создание «семьи» и воспитание детей имеют все виды «гендеров»: гомосексуалы, бисексуалы, транссексуалы и многие другие, среди которых западные сексологи и психологи выделяют уже около 50 «гендерных» полов, а по сути, квазиполов. Как показывает анализ, агрессивность сексуальных меньшинств, скорее всего, будет возрастать. Обуславливает этот процесс в разных странах и интенсивное развитие рынка сексуальных услуг с его огромными сверхприбылями и растущим количеством потребителей.

Еще один объективный фактор — интенсивность миграционных процессов и гендерная структура мигрантов (в которой очень высок процент молодых безработных мужчин). Мигрантские группы отличаются своими этическими и религиозными нормами отношения к женщинам, длительностью разрыва реальных семейных связей. На этом фоне насильственное поведение мужчин-мигрантов в отношении «не своих» женщин (что наблюдалось в Германии, и не только) может принять устойчивые формы *гендерной миграционной девиантности*.

Следует также отметить, что либерализация в массовом сознании отношения к ревизии традиционных ценностей институтов семьи и родительства, размывание представлений о так называемых «родовой матери» и «родовом отце» (родители, реально причастные к рождению ребенка) психологически подготовлены развитием суррогатного материнства.

Еще один важный фактор легализации однополых браков как элемента нового гендерного порядка в западноевропейских странах — позиции церкви и института религии в целом. Если в католических странах священнослужители не имеют права создавать семью и соответственно развивать семейные отношения, то стоит ли удивляться громким сексуальным скандалам, связанным с участием католических священников в изнасилованиях, и приверженности однополую браку. В то же время православная церковь исторически поддерживает семью, укрепление семейных уз священнослужителей. Достаточно вспомнить русские сказки про попа и попадью.

Главным социальным институтом продвижения нового гендерного порядка является институт права, который зачастую подавляет институт общественного мнения и оценки сторонников сохранения традиционных норм развития институтов брака и семьи. Неслучайно борьба за равенство полов в странах Евросоюза везде начинается с выступлений сексуального меньшинства за законодательную легализацию однополых «браков».

В то же время гуманный контекст нового гендерного порядка предполагает удовлетворение в равной степени жизненно важных социальных интересов личностей и женского и мужского пола через реализацию конституционных норм и прав, но теперь уже — на труд и его оплату, охрану здоровья и доступные медицинское обслуживание и образование, на личную безопасность и получение информации.

На этой основе можно анализировать успешность (безуспешность) продвижения нового гендерного порядка, обеспечение гендерного равноправия в разных областях жизнедеятельности общества: в экономике и политике, культуре и образовании, науке и семейно-бытовой жизни. Совокупность данных показателей позволяет комплексно оценить качество гендерного порядка и рассчитать индекс гендерного равноправия в стране.

Новый гендерный порядок постепенно будет завоевывать свои позиции, раздвигая конституционные и законодательные рамки гендерного равноправия. Но тактика защиты законодательства семейно-брачного, трудового и других направлений в соответствии с историческими нормами морали и культурно-ценностным кодом остается прерогативой каждой страны. Что и делает Российская Федерация, несмотря на неоднократные попытки стран Евросоюза навязать России в ходе разных переговоров вопрос о нарушении прав сексуальных меньшинств.

Сюжет 5. Поддается ли измерению процесс формирования нового гендерного порядка

Итак, если исходить из того, что составными элементами гендерного порядка как нового вида социальной системы являются нормы, политическая культура и социальные институты, целенаправленно формирующие определенное отношение населения, органов власти и социальных организаций к гендерным проблемам и стратегиям их решения, то можно сформулировать и задачи социального управления этим процессом.

Особое место занимает вопрос измеримости показателей гендерного странового и мирового порядка. В качестве одного из таких показателей в Программе развития Организации Объединенных Наций, в частности, предлагается использовать *индекс равноправия полов (Gender Equality Index)*, отражающий степень того, насколько в данной стране равны права женщин и мужчин и насколько одинаковы их условия труда и заработная плата.

Есть и другой количественный показатель — *Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index)*, разработанный НПО «Всемирный экономический форум». Форумом предложен ряд количественных показателей для измерения успешности формирования странового гендерного порядка. С этой целью необходимо учитывать: процессы в гендерной структуре населения и демографическую ситуацию; гендерную асимметрию среди занятых, безработных и обучающихся; индексы гендерной и профессиональной сегрегации (поддающиеся расчету и сопоставимости), гендерную смертность и свехсмертность; гендерную дискриминацию и гендерный разрыв (индексы соотношения полов на рынке труда и индексы женской занятости). Однако данные показатели в российской гендерной статистике практически не используются.

Индекс гендерного неравенства рассчитывается на основе *глобальных индексов гендерного неравенства* в четырех базовых сферах: по вертикали это экономика и политика; по горизонтали — образование и здоровье. Образованное векторами социогендерное пространство очерчивает контур достижения гендерного равноправия в решающих областях развития государства и общества. Рейтинг стран по индексу гендерного неравенства представлен в таблице.

В рейтинге стран по индексу гендерного неравенства Россия занимала в 2006 г. 49-е место, в 2012-м опустилась на 59-е (из 96). Кто стал первым? Исландия, которая в 2012 г. переместилась на первое место с четвертого. Сегодня Россия подвергается критике международных гендерных агентств чаще всего за недостаточное представительство женщин в высших эшелонах власти, реже — за дискриминацию и сегрегацию в ряде сфер труда и занятости.

Рейтинг некоторых стран по индексу гендерного неравенства*

Страна	Место в рейтинге (2012 г.)	Значение индекса гендерного неравенства	Место в рейтинге (2006 г.)
Исландия	1	0,8640	4
Финляндия	2	0,8451	3
Норвегия	3	0,8403	2
Швеция	4	0,8159	1
Ирландия	5	0,7839	10
Дания	7	0,7777	8
Швейцария	10	0,7672	26
Казахстан	31	0,7213	32
Россия	59	0,6980	49
Армения	92	0,6636	н/д
Таджикистан	96	0,6608	н/д

Предлагается еще один показатель — демографический. Это расчетный мультипликативный половой индекс «старшего» поколения, дающий возможность проследить изменения, происходящие в поколенческих гендерных когортах. Так, по данным демографов, когорта россиян 45—49 лет находится на стадии перехода из «феминизированного» состояния к гендерной асимметрии в пользу мужчин [Мунины, 2011]. Если считать мужскую часть населения более продуктивной, чем женскую, больше тяготеющую к традиционализму в отношениях мужчин и женщин, созданию семьи, формам трудовой занятости и карьерному продвижению, то можно определить способность этой когорты к развитию. Сегодня она оценивается как высокая по сравнению с рядом стран мирового сообщества, США в частности. На основе данных российских переписей населения эти показатели рассчитаны также для регионов и субъектов РФ. Чем полезен расчет мультипликативного полового индекса для анализа гендерного порядка? Во-первых, он позволяет глубже и объективнее оценивать социальную реальность, ее скрытые особенности и возможности; разнообразие связей между возрастными гендерными когортами. А это важная информация в условиях глобального информационного воздействия на гендерную специфику занятого в экономике населения, его адаптивность к цифровым и информационным технологиям.

В распространении идей и направлений нового гендерного порядка все активнее используется теория *киберфеминизма*, являющаяся предшественницей *сетевого феминизма*. Термин вошел в оборот в начале 90-х гг. прошлого столетия на волне популяризации идей феминистских исследователей, занимавшихся изучением гендерной специфики Интернета и технологиями новых медиа. Киберпространство и Интернет — это, по мнению исследователей, зоны, свободные от таких социальных конструктов, как половые и гендерные различия.

* Hausman R., Tyson L. D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report 2012 / World Economic Forum. Geneva, 2012.

Поэтому киберфеминизм рассматривает киберпространство и Интернет в качестве инструментов для ликвидации пола и гендера, совершенствования человеческих возможностей в духе *трансгуманизма*.

В узком смысле эта философская концепция подразумевает активное использование технологических достижений для качественного улучшения человеческих физических и умственных возможностей. Теория киберфеминизма — духовно небезопасная теория, имеющая достаточно активную поддержку среди сторонников нового мирового гендерного порядка в западных странах.

Выводы в модусе будущего социального времени

1. Прежде всего следует подчеркнуть, что парадигма нового гендерного порядка — не звонкая фраза, а сложный социальный феномен XXI в., относиться к которому следует не эмоционально (отрицая понятие или замещая его по старинке «женским вопросом»), а скорее рационально, внимательно отслеживая его продвижение в обществе.

2. Вместе с тем идея некоего универсального мирового гендерного порядка на данном этапе представляется утопичной, так как забегает вперед социального времени.

Процесс в контексте модуса настоящего социального времени сводится к формированию прежде всего нового странового гендерного порядка в ареале собственного экономического, социокультурного, правового и демографического пространства. Поэтому новый гендерный порядок уже реально формируется, и немецкий, и французский, и шведский, и российский...

3. Возникновение странового разнообразия гендерных порядков сегодня естественный и динамично протекающий процесс, который в условиях глобализации и неограниченности информационного пространства поддается анализу и критическому отбору. В то же время в большинстве случаев процесс интеллектуального и управленческого осмысления отстает от скорости ретрансляции гендерных деструкций западноевропейского гендерного порядка и подражания им, особенно в отношении семьи, защиты детей и родительства.

4. Формирование нового гендерного порядка — процесс глобальный и продолжительный. Сегодня мировое сообщество лишь в начале этого противоречивого и очень сложного пути, на котором каждому государству предстоит, с одной стороны, определиться исходя из своих национальных особенностей, культуры, исторических традиций и обычаев, законодательной преемственности, а с другой — понять и учитывать наступательно-агрессивный и деструктивный характер ряда западных гендерных новаций в достижении гендерного равенства и равноправия.

5. Принципиально важная конструктивная роль в этом процессе принадлежит законодательным и судебным органам, уполномоченным по правам человека (в том числе женщин, детей, инвалидов и т. д.), чья работа тем эффективнее, чем теснее их сотрудничество с научными и общественными организациями.

России предстоит наполнять содержание категории нового гендерного порядка своим национально-ценностным содержанием без сканирования западного опыта, а через его осмысление и критический отбор лучшего.

Библиографический список

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
- Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 4—15 сентября 1995 г.) / Организация Объединенных Наций. Пекин, 1995. 202 с.
- Конституция Российской Федерации. М.: Норма, 1993. 64 с.
- Мунины П. И. Демографические аспекты теории устойчивого развития общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2011. № 1. С. 34—35.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. URL: <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php> (дата обращения: 15.01.2018).
- Силласте Г. Г. Демократия без женщин — не демократия: социологические очерки. М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 1991. 240 с.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016а. 638 с.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология: от научных поисков и споров к научной школе. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016б. 79 с.
- Силласте Г. Г. От решения «женского вопроса» к формированию нового «гендерного порядка» // Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты: сборник материалов XVIII Международных гендерных чтений / под ред. Г. Г. Силласте. М.: НИИ экономики Юж. федер. окр., 2017. Ч. 1. С. 27—31.
- Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энцикл., 1990. 1632 с.
- Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 861 с.
- Хвостов В. И. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнёва, 1914. 510 с.

References

- Doklad Chetvërtoj Vsemirnoj konferentsii po položeniiu zhenshchin (Pekin, 4—15 sentiabria 1995 g.)* (1995) [Report of the Fourth World Conference on Women (Beijing, 4—15 September 1995)], Organizatsiia Ob"edinënykh Natsiï, Beijing.
- Khvostov, V. I. (1914) *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo* [Woman and human dignity], Moscow: Izdanie G. A. Lemana i B. D. Pletnëva.
- Munini, P. I. (2011) Demograficheskie aspekty teorii ustoïchivogo razvitiia obshchestva [Demographic aspects of the theory of sustainable development of society], *Vestnik Rossiïskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Sotsiologiiia, no. 1, pp. 34—35.
- Sillaste, G. G. (1991) *Demokratiia bez zhenshchin — ne demokratiia*: Sotsiologicheskie ocherki [Democracy without women is not democracy: Sociological essays], Moscow: Diplomatskaia akademiia MID RF.
- Sillaste, G. G. (2016a) *Gendernaia sotsiologiiia i rossiïskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Sillaste, G. G. (2016b) *Gendernaia sotsiologiiia: ot nauchnykh poiskov i sporov k nauchnoï shkole* [Gender sociology: from scientific research and debate to a scientific school], Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia.
- Sillaste, G. G. (2017) Ot resheniia “zhenskogo voprosa” k formirovaniu novogo “gendernogo poriadka” [From the solution of “the women’s issue” to the formation of a new “gender order”], in: Sillaste, G. G. (ed.), *Novaia sotsial'naia real'nost' i gendernoe ravnopravie v Rossii i za rubezhom 100 let spustia: istoricheskie uroki i sotsial'nye gorizonty*, pt. 1,

Moscow: Nauchno-issledovatel'skiĭ institut ėkonomiki Iuzhnogo federal'nogo okruga, pp. 27—31.

Sotsiologičeskaia ėntsiklopediia (2003) [Sociological encyclopedia], Moscow: Mysl'.

Sovetskii ėntsiklopedičeskii slovar' (1990) [Soviet encyclopedic dictionary], Moscow: Sovetskaia ėntsiklopediia.

Vallerstaĭn, I. (2003) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiia XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the XXI century], Moscow: Logos.

Статья поступила 14.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).